

5. *Шостакович Б.* Иркутские страницы «Дневника» ссыльного костюшковца Юзефа Копця. К 200-летию польского восстания 1794 года // *Земля Иркутская*. 1995. № 3. С. 60–62; Каталог рассмотренных иностранной цензурой сочинений запрещенных и дозволенных с исключениями с 1-го июля 1871 г. по 1-ое января 1897 г. СПб., 1899. С. 468.

6. [Электронный ресурс]: <http://www.vostlit.info>. Записки бригадира Иосифа Копця // *Исторический вестник*. 1896. № 10. / Текст Воробьев Г. А.

В. В. Петрашева, Т. С. Дегай **СТАРЫЕ И НОВЫЕ РЕАЛИИ В ПРАВОСЛАВНОЙ ОБЩИНЕ** **ТИГИЛЬСКОГО ПРИХОДА**

Ньюрел (Newrel) – так называется международный проект программы BOREAS/EVROCORES, инициированный Европейским фондом науки.

Проект объединил усилия многих ученых и специалистов, а также привлек внимание к особенностям религиозного развития на Российском Севере. Начиная с 2006 г. у научно-исследовательских групп, работающих в различных регионах России, была уникальная возможность делиться опытом, методиками изучения очень деликатного вопроса в российской истории – грандиозного и практически политически управляемого социального эксперимента в развитии религиозного движения. Ученые России, Франции, Норвегии, США, Канады, Эстонии и ряда других стран в своих университетах в течение нескольких лет проводили круглые столы, рабочие группы, конференции по результатам исследования Международного проекта «Новые религиозные движения на русском Севере: религиозная конкуренция в постсоциалистическом пространстве».

На Камчатке работали две научно-исследовательские группы: одна под руководством профессора Университета Фербенкса Патрика Платте и наша группа в составе профессора этого же университета Дэвида Коэстера, его аспирантки Татьяны Дегай (ныне докторанта Университета Аризоны, г. Тусон, США) и В. В. Петрашевой – представителя КФ ТИГ ДВО РАН.

Наша исследовательская программа была поддержана Национальным фондом США (NSF), а также значительное содействие в реализации проекта было оказано Камчатским филиалом Тихоокеанского института географии ДВО РАН, Камчатской краевой Ассоциацией коренных малочисленных народов Севера. Совершенно бесценны консультации и поддержка камчатского Архиепископа Петропавловского и Камчатского Игнатия, духовенства Петропавловской и Камчатской епархии, протоиерея Василия Гончара и протоиерея Ярослава Левко.

В рамках международного научного исследования, проведенного в Камчатском крае, была подготовлена и выпущена книга: «Церковь, вера и современная жизнь: воспоминания и рассказы из Тигиля. Записи 2006». Это исследование о возникновении, утратах и возрождении в общине Тигильского прихода, который с середины XVIII в. считался одним из религиозных центров Камчатского полуострова.

Мы не можем не выразить огромную благодарность тем, кто щедро поделился своими воспоминаниями и терпеливо ждал публикации.

Воспоминания жителей Тигиля и ныне не существующих национальных сел – Утхолок, Седанка Оседлая, Белоголовое, Напана, которые были переведены на жительство в Тигиль, на первый взгляд простые и безыскусственные, на самом деле полны житейской мудрости и опыта. В повествованиях каждого проявляются события истории Камчатки и Российского Севера. Кого-то за это короткое время уже не стало с нами. Поэтому их рассказы и воспоминания обретают для сегодня живущих еще большую значимость. Вот их имена: Надежда Баранова, Владимир Брагин, Надежда Чаткина, Вера Юшина, Лидия Козинец, Аграфена Ивашова, Павел Кривошёков, Мария Логинова, Мария Руденко, Дина Асеева, Анна Яганова, Андрей Яковлев.

В памяти информантов, а большинство из них родились в 30–40-е гг. XX в., запечатлелись картины и факты из истории жизни в камчатской глубинке. Воспоминания многоплановы. Они содержат сведения исторические, этнографические, антропологические, культурные, демографические, описывают хозяйственные занятия коренных жителей, их повседневную жизнь и быт, окрашены в эмоциональные тона, так что никого из читателей не оставят равнодушными.

Сохранившиеся знания в воспоминаниях, возможно, не отражают всей полноты прошлой и настоящей жизни сельчан, но в них проявляется целая эпоха со всеми ее катаклизмами, утратами, достижениями.

Воспоминания из Тигиля уникальны для фиксации истории жизни отдельного человека, его семьи, рода и общины. Рассказы, представленные в них, повествуют нам об индивидуальных традициях, которые формируют таблицу конфигураций личного развития. Многие рассказы помогают более углубленно определить место православия в ительменской культуре и общей истории коренных народов Камчатки, а также старожилов этого края.

История борьбы советской власти против церкви и духовенства, репрессий против церковных деятелей в России слабо исследована. В годы существования СССР данная тематика была «непопулярной», освещалась крайне односторонне, объективные исследования были под запретом. История православия на Камчатке в советское время изучена фрагментарно и еще ждет своего исследователя.

Вопросы, которые задавались жителям Тигиля, акцентировали внимание на таких темах, как существование и местоположение в поселках церквей и часовен, наличие в доме икон, библии, проведение православных праздников, ежедневных молитв, уточняли, на каком языке проводились обряды.

Воспоминания свидетельствуют о том, что православие пустило глубокие корни в жизни коренных жителей. Представители старшего поколения, бабушки, дедушки, родители информантов, как правило, были верующими людьми, однако в советское время они вынуждены были скрывать свою приверженность вере. Некоторые знакомили своих детей с основами православия, другие, в целях безопасности, вынуждены были отказаться от православного воспитания своих детей и внуков, и только в 1990-е гг., став уже взрослыми и даже пожилыми, эти люди пришли к Богу.

Свидетельства отражают атмосферу 1930–1940-х гг., когда люди боялись что-либо рассказывать о репрессиях, гонениях на церковь, разрушении храмов, уничтожении икон и церковной утвари и запрещали детям расспрашивать об этих событиях.

Еще одна важная тема проходит в воспоминаниях – возвращение к вере, строительство церкви в Тигиле. Все опрошенные считают необходимым достроить церковь. Они видят в восстановлении церкви и налаживании постоянной службы возможность духовного обновления, нравственного воспитания молодежи.

Если вернуться к истокам религиозного православного развития на Камчатке, то необходимо отметить, что в большей степени христианизации подверглось ительменское население, так как оно вело оседлый образ жизни, и коряки-нымыланы, осваивавшие береговые территории. Эвены и алеуты переселяются на Камчатку гораздо позже, а миграция из Центральной России крестьянского населения начнется во второй половине XIX в.

Для лучшего понимания контекста православной веры в жизни населения Тигиля было важно ознакомиться с разнообразными источниками, документами, отражающими историю вопроса.

В 1740 г. на р. Тигиль побывал С. П. Крашенинников и записал коряжское название ее как Мырымрат, то есть «место морских зверей». Есть и варианты ительменских названий реки: Кыгым, Кыгыл, Кугил. В основе этих вариантов лежит ительменское название реки – «Кыг» (или «Кив»). Еще известно, что на р. Кыгыл был ительменский острожек с названием Самжат или Самзат, что означает «село женихов».

С просьбой отстроить молитвенный дом на р. Тигиль было обращение тигильского тойона Шипы. Священнослужитель Иоанн Хотунцевский, прославивший в XVIII в. «крестителем Камчатки», свидетельствовал о том, что камчатский народ к учению склонен, понуждений к крещению не требует, а сам «оного ищет» (4, с. 168).

За два года (1751–1753 гг.) на р. Кыгыл возведена Тигильская крепость. Река Тигиль к середине XVIII в. при активном освоении Камчатского полуострова стала чрезвычайно важна в стратегическом отношении. Именно здесь скрещивались магистральные пути, связывающие северо-западную Камчатку с восточным побережьем и центральной частью полуострова (4, с. 166).

6 февраля 1753 г. была освящена церковь во имя Рождества Христова. Были и первые священнослужители Христорождественского храма – священник Леонтий Георгиев Черных, дьячок Афанасий Романов Верещагин и пономарь Михаил Алексеев Логинов. Возникает целая династия, несущая преемственность от первых священнослужителей.

Тигильский Христорождественский храм, как и многие другие церкви и приходы, долгое время оставался без священника, и древние суеверия коренных жителей обнаруживались с новой силой в волшебствах, наговорах, умилостивлении духов природы, владеющих ветрами, испускающих из себя дождь, сотрясающих землю мощными землетрясениями.

Четырежды Тигильская церковь становилась жертвой огня, но вновь и вновь отстраивалась за очень короткое время.

12 января 1843 г. – Дата для Христорождественского храма и тигильчан очень знаменательная. Совершая объезд и осмотр камчатских приходов и церквей по маршруту: Петропавловский порт – Мильково – Ключи – Нижне-Камчатск – Большерецк – Тигиль – Лесная – Дранка – Олюторка – Гижига – Охотск, епископ Камчатский, Алеутский и Курильский Иннокентий (Вениаминов) в Тигильском Христорождественском храме совершает первое служение литургии, и им же будет рукоположен священник Алексей Логинов, ительмен, первый воспитанник камчатского духовного училища.

Во время поездки по камчатской земле епископ Иннокентий (в миру Иван Евсеевич Вениаминов) обнаружит у северян множество качеств: гостеприимство, честность, простодушие и взаимопомощь.

В письме к Московскому митрополиту он напишет: «Чем более знакомлюсь с дикими, тем более люблю их и тем более убеждаюсь, что мы с нашим просвещением уклонились от пути к совершенству... многие, так называемые дикие, гораздо лучше многих, так называемых просвещенных, в нравственном отношении» (1, с. 105).

Некоторые могут поспорить с тем, что на Камчатке среди коренных ее народов православные традиции были менее глубоко укоренены, чем где-либо. Исследователи Камчатки Георг Стеллер и Степан Крашенинников в первой половине XVIII в. докладывали о том, что идеи христианства, привезенные казаками, варьировались, были непоследовательными, а новые формы православия развивались у них на глазах (3, с. 337; 5, с. 166).

Глубокие корни сохранились в ительменских и корякских духовных традициях. Многие из этих верований, согласно советскому этнографу Е. П. Орловой, существовали в 20-х гг. 20-го столетия. Она рассматривала христианство в общинах коренных народов Камчатки как практически поверхностную религиозность без глубокого верования, которое было бы характерно для православных общин с долгой историей (6, с. 91). Последствия такого различия в уровне духовной глубины состояли в том, что многие камчатцы, как кажется из повествований, были безразличны или забыли о религии во время советского периода.

В то же время эти истории также указывают на глубокий уровень веры и духовности в некоторых случаях среди тех, кто был наиболее безразличен к религии в их молодые годы советской жизни.

Несмотря на опыты, варьирующие от безразличия до страха, все тигильчане, чьи рассказы помещены в книгу, нашли духовную жизнь своим уникальным путем. Для кого-то она началась уже до падения Советского Союза, а для других – после годов размышления и периода христианизации во время первой волны православных миссий в 90-х гг. XX в.

В историях жизни каждого рассказчика проявляется коллективная память о традиционной жизни в небольших поселениях. Во многих сюжетах есть бесценная информация о том, как жили сельчане в 20–30-х гг. прошлого столетия в период утверждения советской власти на Севере России, о взаимоотношениях в семьях, воспитании детей, всплывают в памяти из тьмы забвения события, малоизвестные сегодняшнему поколению, имена бабушек и прабабушек. Через воспоминания по крупицам восстанавливаются порванные нити семейных историй. Опять же, через призму воспоминаний можно зримо увидеть непреходящие ценности этнической культуры ительменов, коряков, потомков тигильского форпоста и тех, кто приехал на Камчатку с материковой части России.

Церкви и часовни в северных селениях уничтожались в 20–30-е гг. того же XX в. Многие церковнослужители были репрессированы, православная вера изживалась из памяти, и этому есть множество подтверждений. Вот только три свидетельства. Самая старшая жительница закрытого ныне с. Утхолок родилась в 1928 г. Дом ее стоял около озера. Рано утром она увидела большой костер. В него что-то бросали. «Смотрю, жгут большое, красивое, дутое, желтое. Видно, с церкви жгли их там. Кто топором рубит их, в костер кидают. Это я помню, а потом почти опять ничего не помню. Маленькая была», – говорит Анна Яганова.

Вера Юшина и Мария Руденко тоже родились в Утхолоке. Одна в 1937-м, а другая и того позже – в 1946 г. Они ничего не помнят о церкви или часовенке в их селе. Да это и вполне понятно. Все церковные атрибуты были стерты с лица земли. И в Утхолоке была не церковь, а часовенка.

Есть интересная зарисовка древнего ительменского селения Утхолок врача и исследователя Владимира Тюшова, совершавшего путешествие по западному побережью Камчатки в конце XIX в. К сожалению, не добравшись до Тигиля, путники при переправе через р. Напану попали в полынью, и у Тюшова вместе с вещами подмокли сотни отснятых уникальных фотографий. Каюк при этом утешительно подбодрил Тюшова, упомянув и Бога: «...это потеря еще, слава Богу, ничего, так как могли не только вовсе потерять все вещи и собак, но даже и сами утонуть» (7, с. 46). А вот его

запись, сделанная 13 ноября 1896 г.: «Относительно Утхолока могу сказать только то, что какое-то грустное и тяжелое впечатление оставляет в вас этот острожек, как бы сохранившийся в безлесной местности, среди обширных тундр, залегающих вокруг него, и среди которых редко-редко можно увидеть небольшие островки – березники. Отсутствие хорошего строевого лесу сказывается здесь в убогости всех построек. Как-то жалко выглядят маленькие, покосившиеся не то от ветхости, не то от завидного искусства стройки, одиннадцать лачуг и маленькая, выделяющаяся своею новизной меж них, часовенка. Она стоит посреди острожка, и, кажется, удивлена сама, для кого и для чего она тут находится. Недоумение в ее маленькой фигурке» (7, с. 431–432).

У многих информантов остались воспоминания о временах сталинских репрессий. В семьях о них не говорили, но ощущение тревоги, страха, беды, утраты было в каждом доме.

Владимир Брагин один из тех, кто застал в Тигиле время, когда здесь все были крещеными, «абсолютно все», потому что вера была одна: «И кто пришел, каждый нес икону Николы Угодника, вот она и вела их. Ну, и Мать Божья тоже. Основная икона была – Николай Угодник» (8, с. 69).

На основании циркулярного письма от 1 марта 1923 г. за № 3182 и Отношения Камчатского губернского прокурора от 8 марта 1923 г. были уничтожены церкви, приходы и часовни в Карагинском районе. На основании другого документа – Протокола № 19 от 3 июня 1926 г. Тигильского районного революционного комитета начинается уничтожение церковных зданий в Морощечном, Сопочном, Хайрюзове, Утхолоке, Седанке Оседлой. Принимаются решения «о разбивке часовни и употреблении материалов на ремонт школы», о «сносе часовни ввиду ее ветхости на дрова». В том же году Протокол № 27 от 27 сентября на заявлении верующих с. Седанка о возврате часовенного здания была краткая, как выстрел, резолюция: «Отказать».

Опыты и следствия религиозного гнета в историях, рассказанных в книге, повествуют о жестоком разрушении религиозных объектов, о поломанных судьбах людей, о молчании и полном безразличии.

Многими детьми, которые выросли в советское время, религиозная деятельность воспринималась как странное, иногда смешное, иногда серьезное чудачество старшего поколения. Большинство информантов выросли, по их воспоминаниям, абсолютно безразличными к религиозной вере и несведущими о христианских религиозных ценностях. Кто-то из них был негативно предрасположен к христианским ценностям, православным ритуалам, этикету. К таким социальным предрасположениям привело общественное давление и политическая направленность государства.

Тем не менее, воспоминания и отголоски религии не исчезли на личностном уровне. Одним из примеров является широко распространенная память о том, кто был и кто не был крещен. Во многих семьях сегодняшнего старшего поколения была разделительная черта старших детей, которые были крещены, и младших, кто не был крещен.

Когда подавление религии на советском пространстве прекратилось, православию, как национальной религии, была дана возможность приоритетно развиваться. Разнообразные другие традиции также воспользовались новой свободой.

Все элементы дисгармонии материальности, религиозной веры и современной идеологии существуют в той или иной форме в исторических повествованиях тигильчан. Некоторые из камчатцев помнят благоговение перед иконами и их захоронение с набожными старейшинами. Другие помнят их уничтожение. Детей просили забирать ритуальные объекты и церковные украшения из церкви, так как ее трансформировали в публичный Дом культуры. Чтение Библии преобладает в жизни и воспоминаниях в одних, изменения в жизни, происходящие с исповедью, у других.

Лидия Аркадьевна Козинец из большой сиротской семьи. Родителей репрессировали. Она убеждена в том, что вера в Бога – очень высокая планка. Был бы в Тигиле авторитетный человек, больше бы стало истинно верующих. «...веру такими методами, как сейчас, никогда не привьешь. Веру надо добром прививать, примером своим. Ведь очень с народом велась атеистическая пропаганда... Мы все приходили к выводу: не обязательно ходить и обряды все выполнять, а просто в душе быть человеком с христианскими заповедями – быть в добре, не делать зло, любить ближнего. У нас, у бабушек, это все есть» (10, с. 91–92).

Чувства, вызванные постом, праздничной одеждой во время церковной службы, песнопением, колоритным звоном и другими ритуальными действиями, также являются частью истории изменения от советских к постсоветским временам.

Тигильский храм был одним из самых богатых по церковной утвари: семь колоколов, ризница, иконостасы – все это беспощадно уничтожалось. В Тигильской музейной экспозиции от про-

шлого церковного убранства осталась часть колокола, который когда-то издавал серебряный звон, собиравший православный народ по всем случаям жизни: на светлую Пасху, Рождество, по случаю проводов в последний путь. Чудом сохранился колокол, под звон которого проходили когда-то молебны. Часть церковных атрибутов, несмотря на гонения, преследования, сохранилась в семейных реликвиях.

1998 год. Эта дата символична для тигильчан – заложен фундамент под строительство возрождающейся православной церкви в их селе.

2013 год. Большинство жителей Тигиля не теряют надежды на возобновление православного прихода во вновь отстроенной Христорождественской церкви. Вот только несколько фрагментов из книги «Церковь, вера и современная жизнь: воспоминания и рассказы из Тигиля»: «Она необходима людям верующим и неверующим», «веру в Бога потеряли и очень много вместе с ней», «Богу церковь постольку поскольку нужна», «Церковь нужна именно людям...», «прислали ли бы настоящего, крепко верующего человека, многие вопросы неустойчивости в жизни людей бы решались». Мнения тигильчан очень многогранны, но они сходятся в одном: вера укрепится, если каждый будет жить духовной жизнью.

1. Письма Иннокентия, Митрополита Московского и Коломенского. Синодальная типография, 1987. С. 105.
2. Церковь, вера и современная жизнь. Воспоминания и рассказы из Тигиля. Записи 2006. Петропавловск-Камчатский : Холдинговая компания «Новая книга», 2010. 137 с.
3. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. М. : ЭКСМО, 2010. С. 137.
4. Мартыненко В. П. Камчатский берег. Историческая лоция. Петропавловск-Камчатский : Дальневост. книжн. изд-во, 1991. С. 166, 168.
5. Стеллер Г. В. Описание земли Камчатки. Петропавловск-Камчатский : Книжн. изд-во. Камчатский печатный двор, 1999. С. 166.
6. Орлова Е. П. Ительмены. Историко-этнографический очерк. СПб. : Наука, 1999. 168 с.
7. Юшов В. Н. По Западному берегу Камчатки. СПб. : Типография М. Стасюлевича, 1906. С. 431–432.
8. Брагин Владимир Андрианович, с. Тигиль // Церковь, вера и современная жизнь. Воспоминания и рассказы из Тигиля... С. 69.
9. Яганова Анна Александровна, 1928 год рождения, с. Утхолок // Церковь, вера и современная жизнь. Воспоминания и рассказы из Тигиля. Записи 2006... С. 20.
10. Козинец Лидия Аркадьевна, 1928 год рождения, с. Тигиль // Там же. С. 91–92.

А. В. Петров
«ОНИ СТАРАЮТСЯ БОЛЬШЕ УБИТЬ,
ЧТОБЫ ПОЛУЧИТЬ ПРЕМИЮ»
 (Охотничьи хроники. Листая старые страницы)

Перелистывать подшивки старых газет – занятие предельно увлекательное. Ушедшая эпоха предстаёт перед нами в неожиданных штрихах, в примечательных деталях.

Можно с уверенностью утверждать, что до середины 50-х гг. XX в. охота и рыболовство на Камчатке были преимущественно промысловыми, направленными на добывание зверя, птицы и рыбы для извлечения дохода или предназначенными для пропитания. В качестве досугового времяпрепровождения эти занятия почти не практиковались.

В 1917 г. в газете «Камчатский листок» были опубликованы «Правила о промысле за соболями в Камчатской области». Время промысла повсеместно определялось с 15 октября по 15 февраля. Наблюдение же за промыслом возлагалось на волостные, сельские комитеты и на уездную милицию: «Посему общественные власти следят за тем, чтобы промышленники, выезжая в леса за охотой другого рода, не злоупотребляли и не занимались в недозволенное время в запретных местах промыслом за соболями».

Охотникам, уходящим на соболиный промысел, выдавались билеты установленного образца. Все охотники должны были возвратиться в свои селения не позже 20 февраля.

«Городскими и волостными и сельскими властями регистрируется и контролируется добыча соболя, для каковой охотники обязаны предьявлять ими добытых соболей. Торгующим запрещается